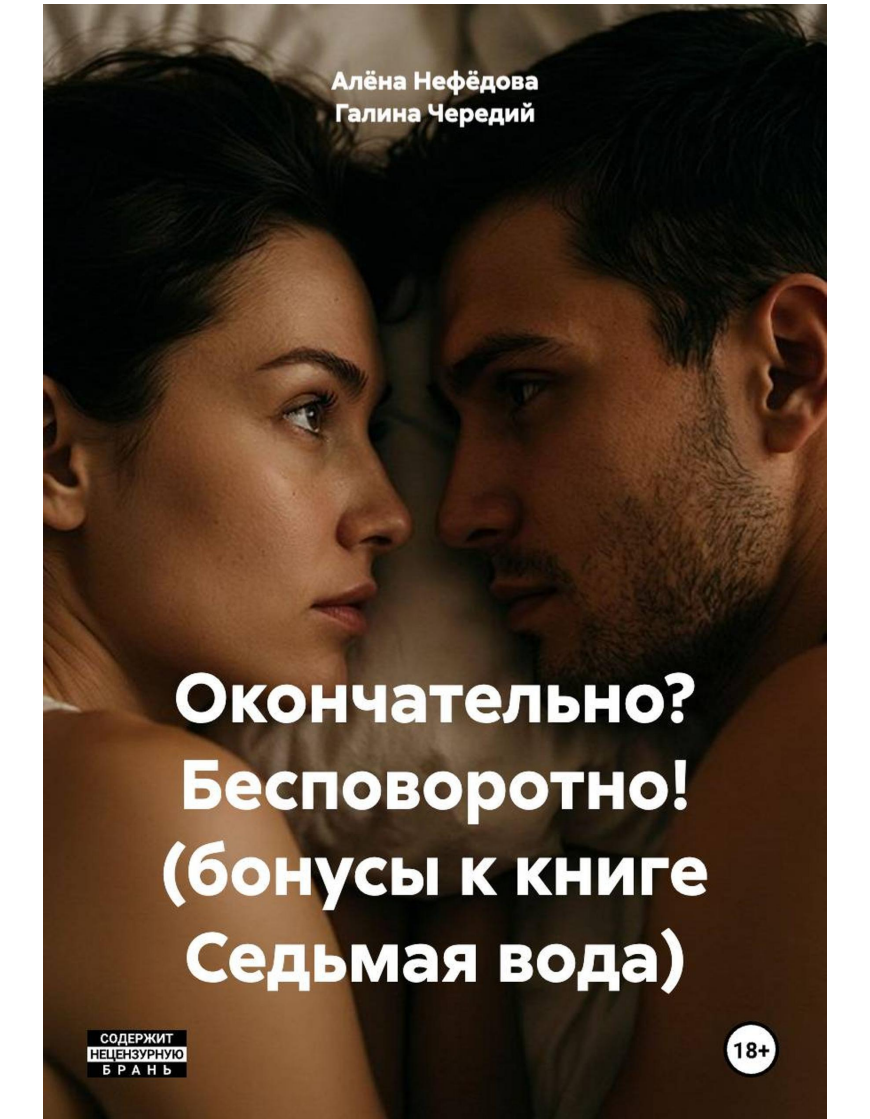

Алёна Нефёдова
Галина Череди́й

**Окончательно?
Бесповоротно!
(бонусы к книге
Седьмая вода)**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алёна Нефёдова

Галина Чередий

Окончательно? Бесповоротно! **(бонусы к книге Седьмая вода)**

<https://litres.ru/74493154>

SelfPub; 2026

Аннотация

А потом они проснулись...

Уверены ли в своем решении быть вместе?

Готовы ли доверить друг другу даже самые мрачные свои мысли?

Осознают ли, что каждый прожитый вместе день неотвратимо меняет обоих?

Понимают ли, что это - окончательно и бесповоротно?

Содержание

Окончательно? – Бесповоротно!	4
Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Галина Чередий,
Алёна Нефёдова
Окончательно?
Бесповоротно! (бонусы
к книге Седьмая вода)**

Окончательно? – Бесповоротно!

А наутро они проснулись...

Море сомнений? Да!

Нежность и чувственные переживания? В достатке!

Разлука? Возможно...

Хэппи энд? Обязательно!

Глава 1

Арсений

Как все-таки по-дурацки устроена моя голова! Вот жил ведь спокойно, уверенный в своих знаниях и опыте во всем, что касается женщин и секса. Да настолько, что впору курсы и семинары для робких неудачников открывать.

И тут – о-пачки, приехали! Откуда не возьмись, на свет божий вылез целый клубок комплексов и сомнений, намертво завязанный вокруг одной конкретной личности! И не просто небольшой такой клубочек, который, на крайняк, если не размотать, так игнорировать можно. Не-е-ет! А невдолбенный такой шар внутренних страхов и противоречий, имеющий все шансы задавить меня, если моргну невпопад. А главное – обозначился он так своевременно, ничего не скажешь! Решил проявить себя именно в тот момент, когда вроде бы мне следовало пребывать в перманентном состоянии эйфории от того, что вот оно – все, чего так давно и невыносимо хотелось: Васька – моя заноза в сердце, мое мучительное и сладкое наваждение, причина моей боли и источник радости – мирно сопит рядом. Ну, казалось бы, давай, мужик, расслабься уже и кайфуй, потому как главная победа в жизни одержана. Ты долбаный король счастливых засранцев и император везунчиков. Можно начинать принимать поздравления, кивая всем с ухмылкой, полной осознания собственно-

го превосходства.

Однако же, несмотря на усталость и вчерашний секс-марафон, я проснулся ни свет ни заря и лежал, уставившись на медленно светлеющий квадрат окна и прислушиваясь к дыханию женщины рядом. Привыкал к мысли, что она моя. Не в моих фантазиях или мечтах, не даже в планах на будущее, которые я был намерен претворить в жизнь, чего бы это ни стоило. Не как очередная партнерша в постели, не как соседка через стенку, от извечного стояка на которую не мог избавиться годами. Василиса – моя. Нет, не так. МОЯ!! Вся эта драгоценная тяжесть ее прядей, которую безостановочно перебираю не в силах остановиться; зелень глаз невыносимая, что душу мне столько лет вынимала; ощущение ее кожи под губами; знание, каков на вкус каждый изгиб и тайный уголок ее тела. Мое, все мое! Хриплое сонное бормотание, страстный шепот, отчаянные стоны и вскрики. Все дни и ночи, все сезоны предстоящих лет – все это теперь тоже мое. Ее рассеянные улыбки, когда задумается; крошечная складка между бровей, если сердится или в замешательстве; веселье, печаль, гнев, оргазмы, слезы – все это отныне я присвоил себе, как и единоличное право делать ее счастливой.

И вот тут на тебе! Сюрприз-и-из! Вдруг, откуда не ждали, в голову – ба-ба-а-ах – прилетел снаряд мощнейших сомнений, да так метко, что на короткий момент я забыл, как дышать. Нет, не из разряда «Может, ты поспешил?», «Ну его на фиг, все так быстро» и «Может, и вообще не стоит...».

Нет, такого и близко не было. Это оказались громадные тараканы совсем другой, элитной, так сказать, породы. А что, если я, несмотря на все усилия, не справлюсь? Если буду делать не совсем то и так и не сумею понять, уловить единственно правильную тональность? Что, если однажды увижу в глазах Василисы не раздражение из-за очередного косяка, а разочарование? Или даже усталое безразличие, когда она просто станет смотреть сквозь меня. Мало разве видел такого вокруг? Когда люди вроде и вместе, и хорошо у них все снаружи, а вот нет ни малейшей искры. Ни раздражения, ни трепета, ни ревности, ни этих моментов, когда по-прежнему любящие люди могут вдруг сцепиться взглядами в любой паузе, посреди шумной компании, и выпасть из реальности, даже не замечая, как при этом выглядят. Млять, да что это такое-то? Кто бы знал, что, получив ту, о ком тосковал столько времени, я стану просыпаться не с улыбкой счастливого идиота, только и думающего, как притереться утренним стояком к желанному телу, а в холодном поту от гребанных кошмарных видений. А еще говорят, что только женщины обладают способностью виртуозно себя накручивать на пустом месте... Угу...

Василиса пошевелилась во сне, и мой неугомонный член тут же приветствовал это движение, радостно подпрыгнув. Эй, уймись, дружок! Моя Васюня всегда любила поспать подольше, так что в ближайшее время нам с тобой ничего не светит. Да и вообще, было бы неплохо сохранить ей способ-

ность ходить, а то с моими аппетитами и заездить недолго. А все почему? Да потому, что где-то на задворках сознания все еще ворочается червячок страха, нашептывающий, что однажды утром, открыв глаза, я рискую обнаружить рядом пустую постель. Глубоко вздохнув, я уставился в потолок, стараясь отвлечься от близости и потребности безостановочно касаться женщины рядом.

– Кринников, да расслабься ты! – хрипло пробормотала Василиса, слегка испугав меня. – Если утром ты вдруг осознал, что жениться не хочешь и вчера был немного не в себе, сделав мне предложение, я пойму.

Чего-о-о? Это что еще за новое кино?

– Сделаем вид, что ты ничего не говорил, а я ничего не слышала, и этого разговора вообще не было. – Василиса с наслаждением потянулась, но меня черта с два уже обманешь. Я – как гончая кровь – учуял напряжение в ее нарочитой расслабленности.

– Васюнь, я вот сейчас очень вежливо прошу тебя: заткнись, пожалуйста! – Я слегка натянул одну из прядей ее волос. – И чтобы я такого больше не слышал! Мы вроде как все выяснили вчера, приняли решения и достигли согласия.

– Это так. – Она выдернула захваченное из моих пальцев. – Но почему тогда ты уже столько времени лежишь, смотришь на меня печально и обреченно и тяжело вздыхаешь, как приговоренный?

– Ни черта подобного! – возмутился я. – Это наглый по-

клеп!

– А я говорю, что это именно так! – заупрямилась моя лягушонка.

– Ты дрыхла без задних ног еще секунду назад, так что все это тебе приснилось.

– Ну да, конечно! – Василиса перестала улыбаться. – Но я серьезно, Сеня! Тебе не обязательно на мне жениться, если ты не уверен. Мы могли бы пожить и так. Ну, то есть по-встречаться и посмотреть, сможем ли вообще...

Ее тон стал мягким и даже увещающим, и она старательно делала вид, что сама верила в то, что пыталась донести до меня. Но ее глаза для меня – открытая книга, и я увидел там уязвимость.

– Васька! – оборвал ее и угрожающе прищурился. – Я сейчас начну придумывать наказание за глупые мысли и дурацкую болтовню, и оно будет жестоким!

– О, да ладно? – ехидно фыркнула она. – Что, начнешь, как в этих наиглупейших, модных сейчас романах шлепать меня по заднице и заставлять просить прощения?

– А это мысль! – Я резко перевернул ее на живот и вытянулся сверху, вжимая в матрас. Господи, какой же это все-таки кайф. Привыкну я к этому или так и буду каждый раз дуреть от счастья, ощутив ее под собой и просто уткнувшись в волосы?

– Только попробуй провернуть что-то такое, и я придушу тебя во сне, Кринников! – приглушенно возмутилась Васи-

лиса и сильно ущипнула меня за бедро.

Я изловил ее руки и, подняв над головой, зафиксировал одной своей.

– Успокойся, Васюня! – прижавшись плотнее бедрами, потерся стояком между ее ягодиц, сдерживая стон наслаждения, когда она нахально толкнулась навстречу. – Вот зачем нам вся эта БДСМ-ная банальщина? Мы с тобой что-то свое придумаем. Например, игру в «расскажи всю грязную правду о себе».

– Очень интересно, – попыталась она оглянуться и поерзала подо мной, испытывая на прочность выдержку. – И как же это будет выглядеть?

– Я тебе честно говорю, что чувствую или чувствовал в какой-то момент, не важно, сейчас или в прошлом, а ты в ответ так же честно рассказываешь о своих эмоциях. – Провел носом по ее скуле.

– И это, по-твоему, наказание? – Опять это подначивающее фырканье. Ну-ну, родная.

– Учитывая, насколько ты, малыш, склонна к откровенности и честному проявлению своих настоящих чувств, да, считаю, что поначалу это для тебя будет наказание в чистом виде. А потом, глядишь, и станет нашей доброй семейной традицией.

Василиса возмущенно дернулась, еще сильнее вывернув голову и преувеличенно гневно покосившись на меня.

– Это только что ты назвал меня зажатой ханжой, не спо-

собной на открытое выражение эмоций?

– Это ты сказала, не я, – подначил ее, получив истинное удовольствие от процесса.

– Я тебя сейчас покусая, Кринников! Слезь с меня! – приказала грозным тоном моя Васюня. Ага, я весь боюсь.

– Щипайся, кусайся, царапайся, делай, что хочешь, малыш, – продолжил дразнить ее я, перейдя на интимный шепот. – Я буду с гордостью носить на себе все следы твоего обладания и потери контроля. Я слишком долго мечтал о тебе. Так долго, что в моих фантазиях ты успела побывать во всех возможных ипостасях. И нежной, робкой, и яростной, как дикая кошка. Представлял тебя и ласковую, и даже требовательную до грубости.

– Это правда, или это уже начало твоего странного наказания? – затаилась моя заноза.

Я хмыкнул, предоставляя ей догадываться самой, исцеловывая шею и плечи и потираясь уже совершенно мокрым членом о ее горячую кожу. Она прерывисто вздохнула и прикрыла глаза, прикусив губу.

– И что же, ты расскажешь мне все, что я захочу знать? – так же шепотом спросила она.

– Все, все что угодно, но и в ответ потребую того же.

– Я... – она напряглась подо мной, и я понял, что она может попробовать сбежать в себя и опять начать копаться, но решил не давать ей на это шанса.

– Хочешь знать, как мучился стояком каждое утро, ко-

гда ты завтракала напротив, не замечая, что я вообще существую? – Дыхание Василисы замерло.

– Я замечала тебя... всегда, – ответила еле слышно, и я продолжил, разжигая нас обоих.

– Как специально старался принять душ, услышав, что ты моешься, и взрывался фонтаном, только представив, что это ты снизошла до того, чтобы сжать мой член? – Резкий вдох, больше похожий на всхлип, и я как наяву увидел картинку в ее голове. Да, я очень надеялся, что Василису заводит мысль обо мне – мокрым и содрогающимся в оргазме с ее именем на губах.

– Я... очень часто представляла тебя... мокрым и обнаженным. Жутко злилась на себя, но поделать ничего не могла.

Как же я хотел знать, ласкала ли она себя хоть раз, думая обо мне за эти годы, но для этих вопросов еще будет время.

– А еще я клал руку на стену между нами и ублажал себя, иногда не один раз за ночь, представляя, что касаюсь тебя. И лежал потом, перепачканный спермой, и клял тебя за то, как ты действуешь на меня. Достаточно грязная подробность?

– Се-е-е-нь, – умоляюще протянула Васюня и поерзала подо мной, подводя одним этим трением почти до грани. – Пожалуйста.

– Пожалуйста, что, малыш? – Конечно, я знал, чего она хочет, но эгоистично желал услышать, как это прозвучит.

– Ты мне нужен... – И я увидел, как она покраснела. – Хо-

чу тебя, – даже не шепот, а придыхание, но мне ведь больше и не надо.

Немного отстранился и проник свободной рукой ей под живот, продолжая удерживать руки, и чуть приподнял ее роскошную задницу мне навстречу. Медленно скользнул в нее, скрипя зубами от нетерпения, ведь знал, что после нашей вечерней невоздержанности Ваське могло быть больно. Секс – великолепное действие, и как бы ни был прекрасен сам процесс, его смысл в стремлении к разносящему мозг финалу. Но вот это самое первое движение, погружение в жаркую влажную тесноту женского тела – совершенно отдельный особенный кайф. Но только сейчас, с любимой женщиной, я осознавал каждым нервным окончанием, насколько же он особенный. Потому что с Василисой это больше не было вторжением, а превратилось в настоящее слияние, полное шокирующее совпадение, и с примитивным физиологичным актом проникновения у этого события не было ничего общего. Прислушивался к ее стону, готовый остановиться в любую секунду, но Василиса прогнулась мне навстречу, требуя больше. Моя жадная, такая страстная Снежная Королева. Какой же дикий кайф быть единственным знающим, сколько огня скрыто под этим льдом. Смотрел, не отрываясь, как погружаюсь в ее тело, и просто дурел и от самой картины, и от ошеломляющих ощущений. Двигался плавно, неторопливо, балансируя на грани между удовольствием и самоистязанием.

– Сенечка-а-а! – протяжно стонала Василиса, и я понимал, о чем ее мольба. О скорости, о потере контроля, о прыжке с обрыва сдержанности в бездну острого кайфа. И кто я такой, чтобы отказать своей женщине в желаемом?

Сорвался в дикий темп, вколачиваясь в нее снова почти остервенело, теряя себя в судорогах ее внутренних мышц и хриплых криках общего оргазма.

– Господи, это всегда будет так? – спустя некоторое время пробормотала Василиса.

– Как?

– С каждым разом все лучше.

Я не смог сдержать идиотской самодовольной улыбки и просто спрятал лицо в шелковом золоте ее волос.

– На все сто я гарантировать не могу этого, малыш, но обещаю, что буду над этим работать, – ответил, стараясь не выдать, какую степень гордости собой испытывал в этот момент.

– А ты не боишься, что со временем это перестанет быть...

– У нас такого не будет! – отрезал я. – Молчи, женщина, ты мешаешь мне кайфовать!

Василиса насмешливо хмыкнула, но, однако, притихла, погрузившись в собственные ощущения послевкусия. А я лежал на боку, прижав Василису к себе, и в опустошенном экстазом мозгу родилась только одна мысль. Я никогда не смогу отпустить ее. Даже если вдруг случится именно то, чего больше всего боюсь, я просто буду пытаться изменить

это. Снова и снова. Но расставание никогда не будет нашим выходом. Мы вместе навсегда. Окончательно и бесповоротно.

Глава 2

Василиса

Как, оказывается, много я упускала в жизни. И дело совсем не в сексе. Какое это все же наслаждение – позволить себе быть влюбленной. Безоглядно, отчаянно, по уши, какие там еще придуманы определения для этого состояния внутренней щекотной невесомости, глупых неуправляемых улыбок и невозможности прекратить пялиться на мужчину рядом и восхищаться всем, что он делает. Даже самыми элементарными вещами. Как трет под душем свое тело, в котором я не вижу изъянов. Как чистит зубы, нещадно натирая щеткой и хмурясь. Как бреет лицо, забавно гримасничая и цепко всматриваясь в поисках пропущенных мест. Как пьет горячий чай, чуть прищуриваясь от удовольствия. Как ведет машину, бросая грозные взгляды на пытающихся подрезать нас придурков. Разве это нормально, пребывать в состоянии какой-то обдолбанной счастьем кошки просто от самого факта нахождения рядом с другим человеком? Похоже, да, потому что я чувствовала себя именно так, и мне это бесконечно нравилось. А особенно тот момент, когда Арсений вдруг застывал, что бы он ни делал, его серые глаза буквально вцеплялись в меня и темнели, а лицо становилось напряженным, почти злым. И я знала, чего ему хотелось боль-

ше всего сейчас. Меня! А все, этого достаточно! Я тут же тоже вспыхивала, как спичка, и каждая клеточка тела кричала: «Да-а-а! Хочу-у-у! Немедленно!» И вот без этого всего я прожила столько лет? Все-таки счастье – это мощнейший наркотик. К нему привыкаешь, едва попробовав, уже без возможности исцеления. А все потому, что нет человека в своем уме, желающего быть излеченным от счастья. Его могут лишить тебя другие, или ты сам его потеряешь, совершив непоправимую ошибку, но отказаться от него осмысленно, я думаю, не в состоянии никто. Но мне больше не хотелось даже задумываться о плохом. Я хотела улыбаться, хотела любоваться, хотела тонуть в моем Сеньке, наверстывая все упущенное время мира. А он только и рад был мне всячески в этом потворствовать.

В общем, выбраться из его квартиры и поехать сдаваться родителям для нас стало настоящим подвигом, и я без всякого стыда могу признаться, что думать могла только о том, как мы вернемся назад и сорвемся снова в штопор, едва захлопнув за собой дверь. И в ответном взгляде Арсения безошибочно читала отражение своих сумасшедших желаний.

– Мам, ну, в самом деле, ну, кому нужна эта свадьба?

Поначалу я ощутила себя обиженным ребенком, у которого отбирают такое долгожданное и нелегко доставшееся

угощение. — Это же хлопоты, суета, а в твоём нынешнем состоянии...

— Васенька, извини, но я и слушать эти глупости не хочу! — Я шокированно уставилась на свою всегда уступчивую и покладистую маму, которая вдруг проявила такую непреклонность в столь несущественном, на мой взгляд, вопросе, как наша с Арсением регистрация. — У меня дочь как-никак одна, и я тебя замуж, небось, не сто раз выдавать собираюсь, а всего один! Так что все должно быть по-людски! И платье, и фата, и цветы с гостями! Хотя бы по минимуму, то, что успеем устроить за неделю.

Я глянула на Арсения в поисках поддержки, но поняла, что он и не подумает ей возражать. Ну, еще бы, я вообще не помню, чтобы он когда-то хоть одно слово ей поперек сказал, даже когда являлся нетрезвым или злым, как бойцовский пес. Конечно, мама никогда и не пыталась на него давить или навязывать свое мнение, чутко ощущая границу его пространства. Но вот сейчас я была бы совсем не против хоть какой-то реакции с его стороны.

— И кстати, Сенечка, я настаиваю на том, чтобы вы жили отдельно эту неделю до свадьбы.

Ага, а вот и реакция моего будущего мужа.

Арсений аж воздухом поперхнулся и стиснул мою ладонь, подтягивая еще ближе к себе, хотя и так куда уж ближе. Мы сидели на диване в гостиной напротив мамы в кресле, прилипнув друг к другу боками.

– Марин, а это-то зачем?

Он явно пытался сдержаться, но не особо у него получалось. Мучают меня смутные сомнения, что, потребууй такого кто-то, кроме моей матери, он бы уже в драку кинулся.

– Сеня, сынок, надо так! – мягко, но решительно ответила мама.

Теперь мой жених смотрел на меня с затаенной паникой в глазах, буквально умоляя сделать что-то. Ну, а что я могу?

– Ма-а-ам, – протянула я. – Ну не дети же мы, в самом деле.

– Для меня дети, и возражений я не приму, – отрезала она.

– Кто ты, незнакомая жестокая женщина, и куда дела мою маму? – попробовала перевести все в шутку, но выражение ее лица и отрицательное покачивание головы сообщили, что попытка провалилась.

– Я пойду на кухню, отцу помогу, – мрачно пробормотал Арсений.

Он встал, весь напряженный, сжимая кулаки, и практически умчался, распространяя вокруг волны с трудом сдерживаемого гнева. Я повернулась к маме, собираясь привести еще доводы, но она остановила меня просящим движением руки.

– Васенька, девочка моя, я знаю, что Арсений сейчас весь как пружина натянутая, да и ты не выглядишь спокойной. – Разве? Мне так казалось, что на лице то и дело расплзается довольная улыбка. – Так что, думаю, краткая пауза не

повредит, а наоборот – утвердит вас в правильности вашего решения.

– Мама, ты же сама говорила, что видела и понимала, что между нами, и рада тому, что мы сблизились, – непонимающе нахмурилась я.

– Видела и рада. Но ведь жить дальше вам, так что стоит узнать точно, что между вами.

Ну, с этим-то у меня, слава богу, полная ясность. Наверное, впервые в жизни я знаю что-то абсолютно точно.

– Я люблю Арсения, а он меня, – произнося это, я даже не пыталась прислушаться к столь привычному эху сомнений внутри себя, потому что его больше не было. – За неделю ничего не изменится.

– Ну, раз так, то вам вообще волноваться не о чем, – беспечно пожала мама плечами и подмигнула. – А то, что поскучаете друг по другу, сделает брачную ночь незабываемой.

Меня тут же бросило в краску, и стало жарко не только от смущения, но и от видений, тут же пронесшихся в голове. Да как по мне, каждая ночь с Арсением незабываемая. Не знаю, станет ли со временем по-другому. Но, черт, говорить об этом с мамой... Наши отношения, само собой, радикально изменились после тех откровенных бесед в реабилитационном центре, но все равно мне еще сложно говорить на любые темы свободно.

– Все равно это глупость несусветная, прости, конечно, – заупрямилась я.

– Для тебя глупость, для меня важно, доченька. Знаешь, я, как любая мать, наверное, стала представлять себе твою свадьбу, как только ты родилась. Может, это и блажь моя и каприз. Откажешь мне в этом?

– Ладно, – смирилась я. – Только мы возьмем первое же платье, что подойдет мне в ближайшем салоне, и позовем только самых близких. Никакой готовки и суеты для тебя, даже не заикайся! Все организационные вопросы мы на себя с Арсением возьмем! Просто быстрая регистрация, небольшие посиделки и конец этому представлению. Идет?

– Хорошо, – мама просияла и облегченно вздохнула. – Только за платьем нас все равно Максим обеих повезет, и я оставляю за собой право дважды наложить вето, если мне совсем не понравится твой выбор.

– Похоже, меня ждет не подготовка к свадьбе, а парламентские прения, – обреченно закатила я глаза.

Семейное чаепитие проходило, я бы сказала, в атмосфере умеренной конфронтации. Мама выглядела довольной и сияющей и все время говорила о предстоящем событии. Арсений сидел мрачнее тучи и крутил остывающую чашку на блюдце нервными движениями, ни разу не отхлебнув и не прикоснувшись к многочисленным вкусняшкам на столе. Дядя Максим воплощал всем своим видом понятие нейтралитета и ухаживал за столом за мной и мамой, избегая затрагивать сына. Я же выжимала из себя вежливые улыбки и украдкой успокаивающе гладила моего удрученного жениха

по колену под столом, получая в ответ краткие обжигающие взгляды.

Как только моя чашка опустела, Арсений поднялся.

– Спасибо за угощение, было очень вкусно. Марина, с какого момента вступают в силу твои... хм... условия? – сразу перешел он к делу.

– Ну, допустим, с сегодняшнего вечера, – пожала мама плечами, и я уловила след лукавой улыбки на ее губах.

– Прекрасно, значит, ничего не помешает мне пригласить Василису на дневную прогулку по пляжу? – спрашивая это, Арсений весь напряжился, будто готовясь отстаивать свои права во что бы то ни стало.

– Не вижу препятствий, – покладисто согласилась мама, и мы все облегченно выдохнули.

– Идем! – Арсений схватил меня за руку и потянул на выход.

– Э-э-эм, я что-то пропустила сам момент приглашения, – рассмеялась, еле поспевая за ним, едва мы вышли наружу.

– То есть ты гулять со мной не хочешь? – тут же ошетинился Арсений, разворачиваясь.

Да что с ним? Такое чувство, что, ткни в него пальцем, и он рванет, как граната без чеки. Шагнув ближе, прижалась всем телом и, обхватив лицо, заглянула в глаза.

– Сень, что не так?

– А что так? – Он смотрел в сторону, ускользая от прямого контакта глаз. – Неделя, Васюнь! И это сейчас, когда я только

получил тебя!

Мне захотелось плакать и смеяться одновременно. Мой же ты несгибаемый, упрямый и такой пугливый мужчина!

– Это всего лишь семь дней ожидания, – успокаивающе погладила я его щеки.

– Семь суток! Семь ночей без тебя и семь дней тебе на раздумье, когда я знаю, что и пяти минут хватит, чтобы...

Он оборвал себя и вдруг стиснул меня почти грубо, так, словно я собиралась сопротивляться, и поцеловал. Жадно, агрессивно, отнимая воздух и причиняя легкую боль в и так распухших губах. Заставляя вспыхнуть за считанные секунды и хотеть так многого и сразу, но исключительно с ним одним. Так, как умел только он.

– Пообещай мне, Васюнь... Нет, поклянись, что ничего не изменится... что ты не исчезнешь... не ускользнешь от меня снова, – прошептал он, кратко отрываясь от моих губ и захватывая их снова.

– Ты совсем в меня не веришь? – Мне стало до боли грустно.

– Я себе еще не верю, а не тебе. Все боюсь, вот сейчас проснусь, а тебя нет, и все это мне просто причудилось. Понимаешь? Прости, что веду себя как девчонка истеричная, но я не могу тебя потерять. Ни сейчас, ни уже никогда.

От неприкрытой уязвимости его слов у меня сдавило горло, и брызнули слезы. Сенька, Сенька мой, ничего-то ты не понимаешь, паникер.

– Я тоже терять тебя не согласна, Сень. Так что никуда я не денусь. Ни через неделю, ни через год, ни через десять. И тебя не отпущу.

– А через двадцать, значит, могу идти на все четыре стороны? – тут же заметно повеселел Арсений и одарил еще одним быстрым поцелуем.

– Кринников, ты про хождения на сторону вообще по гроб жизни теперь забудь! – угрожающе прищурилась я.

– Ты в меня совсем не веришь? – вернул он мне мой вопрос.

– Верю, но предупреждаю. Лишу самого ценного!

– Себя? – Арсений прижал меня к своему большому телу уже совсем по-другому. С трепетом, нежностью, откровенно признаваясь в этом прикосновении, насколько дорожит мной. – Я, может, и дурак, Васюня, но не настолько, чтобы потерять самое главное в жизни ради сиюминутной блажи. Хватит, набегался.

Мы стояли так, не знаю сколько, но, кажется, все равно недостаточно, когда Арсений отстранился и взял меня за руку.

– Пошли, Васюня, я тебя гулять буду, – уже совсем довольно подмигнул мне он.

– Ты серьезно? – рассмеялась я.

– Абсолютно. Должно же быть у нас все, как у людей, как Марина хочет. Значит, будем устраивать прогулки с обнимашками, пойдем в кино, кафешку. Куда там еще положено?

– Ты больше не сердишься на маму? – заглянула ему в лицо.

– Ну, как тебе сказать... – скривился Арсений и вздохнул.
– В принципе, я ее прекрасно понимаю и одобряю. Но это в принципе и если рассматривать эту ситуацию отдельно от тебя и меня.

– А если не отдельно?

– Если нет, то я считаю это насильственное отдираание нас друг от друга аж на целую неделю натуральным зверством, жестоким издевательством и думаю, за это должна быть вообще какая-то статья, – невесело рассмеялся он. – Ни от кого, кроме Марины, я бы таких условий не потерпел. Я и сейчас едва способен смириться. Поэтому давай гулять, потому как я слышал, что прогулки на свежем воздухе очень нервы успокаивают.

Прошагав с ним под ручку около пяти минут, я заканючила:

– Знаешь, Сень я готова то наше ночное путешествие по лесу засчитать за все полагающиеся прогулки. А ты?

– Как скажешь! – тут же согласился Арсений. – Тогда давай перейдем сразу к обнимашкам. Я только «за»! Присядем?

Я оглянулась и, узнав место на берегу, почувствовала болезненный укол ревности к прошлому, пусть и далекому.

– А давай дальше пройдем, – пробормотала я, противореча сама себе, и прибавила шаг. Я должна научиться жить

в ладу с воспоминаниями, а не позволять им себя ранить, иначе ничего у нас не выйдет.

Арсений догнал меня и обхватил сзади руками, целуя в шею.

– Прости, Васюнь.

– За что? – удивленно оглянулась я.

– За все. За то, что дураком был. За то, что носился с высунутым языком в поисках не пойми чего. За то, что не сумел просто ждать тебя. И за тот случай на берегу тоже прости. А особенно за то, что в тот момент я получил какое-то извращенное удовольствие от того, что ты меня видела.

– Удовольствие от того, что я застала тебя... хм... занимающимся сексом? – даже не могла понять, что я чувствовала от этого его заявления.

Арсений развернул меня, уселся на согревшуюся под солнцем гальку кусочка дикого пляжика и потянул меня вниз, вынуждая оседлать его колени.

– Вот сейчас ты подумаешь, что я у тебя какой-то извращенец, и решишь сбежать, – усмехнулся он, проводя губами по моей шее, и я откинула голову, подставляясь под ласку. Сбежать? Нет, это совсем не то, о чем я сейчас думаю.

– Ну, могу сказать, что если у тебя есть фантазии о том, что кто-то будет наблюдать за нами во время секса.... – Не-е-е-ет! Никогда! – То боюсь, они останутся без воплощения.

– Ты совсем дурная, Васюнь? – Арсений, запустив руку в волосы на моем затылке, посмотрел на меня сердито. – Да я

глаза повиныколулываю любому, кто на тебя, не дай бог, голую посмотрит! Наверное, вообще неумно с моей стороны говорить тебе такое сейчас, но и тайн от тебя хранить больше не собираюсь. Тогда на берегу у меня как в мозгу что-то щелкнуло или замкнуло, когда заметил тебя. И сам не знаю, как объяснить. Такое чувство, что все тормоза сорвало от дикого сочетания: ты, я и секс – да так навечно в этом состоянии и заморозило. Я после этого постоянно стал фантазировать о подобном.

– О том, что я наблюдаю за тобой с кем-то? – попыталась отвести глаза, скрывая огорчение, но Арсений мне не позволил, ему нужен был полный контакт в этот миг.

– Нет. О том, как ты отдаешься мне на том берегу или смотришь, как я мастурбирую. Отдавал себе отчет, что ты еще почти ребенок, что даже думать не должен о тебе так. Ощущал себя грязным животным, одними своими мерзкими фантазиями марающим что-то чистое и недостижимое. Злился на тебя... ох, как же злился... Но и выдрать из головы, стереть уже не мог. Ты наваждением стала. Самым потаенным секретом, что не столько от других прячешь – от себя! Только расслаблюсь или задумаюсь – и-и-и на, получи! Ты уже в моей голове, душу мне вынимаешь! Столько разных сценариев, все и не вспомнить. Но ничего из этого не могло быть лучше, чем ощущать тебя вот так, как сейчас. – Арсений, блаженно вздохнув, прижал меня ближе.

– Это же не секс. – Я помассировала кожу его головы, вы-

нуждая откинуть ее, и провела губами по его горлу с судорожно дергающимся кадыком. Шея этого мужчины – моя настоящая слабость. Ой, ладно, он весь одна сплошная моя слабость.

– Да что ты? – ответил Арсений враз огрубевшим голосом. – Честное слово, если ты продолжишь вот так тереться об мой стояк, я кончу меньше чем через минуту.

И я действительно поняла, что все это время не сидела спокойно, а безостановочно ерзала на его уже совершенно твердом члене.

– Бо-о-оже, ты сам маньяк и меня такой же сделал, – рассмееялась я, утыкаясь ему в плечо.

– Ну, что могу сказать, повезло нам друг с другом, – оскалился довольным котяркой Арсений. – Но слезть тебе все равно придется. Ходить с пятном на штанах в моем возрасте как-то смешно. Хотя-а-а...

Его правая рука молниеносно оказалась между нами, как раз на шве моих джинсов, и я задергалась от прострелившей тело сладкой судороги. Арсений снова захватил горстью мои волосы и сблизил наши рты, дразня меня предельной близостью.

– Если я не хочу ходить в мокрых штанах, это совсем не причина отказывать в чем-то тебе, малыш, – чувственно прошептал он, коварно не подпуская ближе к своим губам. – Только тебе придется быть потише, чем обычно. А то еще напугаем каких-нибудь случайных гуляк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.